

МОГИЛЬНИК БОЛЬШОЕ ДАВЫДОВСКОЕ 2 – ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I тыс. н.э. В СУЗДАЛЬСКОМ ОПОЛЬЕ

© 2010 г. Н. А. Макаров, А. М. Красникова, И. Е. Зайцева

Институт археологии РАН, Москва

Несмотря на значительный интерес исследователей к финским древностям Волго-Окского междуречья, выявление погребальных памятников I тыс. н.э. во многих районах этой обширной области остается трудновыполнимой задачей. Это касается прежде всего исторического центра Ростово-Суздальской земли, “первыми насельниками” которого Начальная летопись называет мерю. До недавнего времени здесь был известен лишь один финский грунтовый некрополь второй половины I тыс. н.э. – Сарский могильник близ Ростова, древнейшие погребения которого датированы А.Е. Леонтьевым второй половиной VII в. (1996. С. 90–99). В 1999 г. под Александровым В.И. Вишневым был открыт и исследован Ратьковский могильник, некрополь с кремациями, древнейшие погребения которого датированы автором раскопок VI–VII вв. (Вишневский и др., 2007). Этим исчерпываются погребальные древности, которыми располагает археология для характеристики культурной ситуации второй половины I тыс. н.э. на, казалось бы, хорошо изученной территории центра Ростово-Суздальской земли. Что касается финских погребальных памятников более раннего времени – первой половины–середины I тыс. н.э., то они до последнего времени были неизвестны вовсе.

Приступив в 2001 г. к систематическому обследованию территории Суздальского Ополя и созданию детальной археологической карты этой территории, Суздальская экспедиция Института археологии РАН ставила одной из задач полевых работ выявление грунтовых могильников I тыс. н.э., однако долгое время эти поиски оставались безрезультатными. В 2007 г. в 20 км к СЗ от Суздаля, у д. Большое Давыдовское экспедицией были выявлены два грунтовых погребения по обряду ингумации, сопровождавшиеся металлическими украшениями середины I тыс. н.э. Погребения были обнаружены при повторном обследовании средневекового селища, в шурфе, заложенном на месте грабительского разрытия. Раскопками, про-

веденными в 2008 г., было вскрыто еще восемь погребений малоизученной в Волго-Клязьменском междуречье исторической эпохи на стыке железного века и раннего средневековья. Хотя в настоящее время исследована лишь часть могильника, целесообразно скорейшее введение в научный оборот этого яркого материала.

Могильник Большое Давыдовское 2 располагается на правом берегу небольшой речки Урды, правого притока р. Ирмес, при выходе в ее долину проточного оврага. Площадка могильника перекрыта культурным слоем одноименного поселения площадью около 5 га, занимающего мыс между оврагом и р. Урда. Селище Большое Давыдовское 2 входит в состав одной из наиболее крупных локальных групп средневековых поселений в бассейне р. Ирмес – гнезда поселений у с. Шекшово. Всего в Шекшовской группе насчитывается 18 селищ X–XIII вв., наиболее крупное из них – Шекшово 2, занимающее площадь около 19 га, тесно соседствует с селищем Большое Давыдовское 2 и отделено от него лишь р. Урда. Вблизи селища Шекшово 2, в урочище Половецкая лужа находился курганный могильник, в котором А.С. Уваровым в 1852 г. было исследовано около 240 курганов, в том числе более 100 насыпей с кремациями (Уваров, 1872; АКР, 1994. С. 79–90). Таким образом, могильник середины I тыс. н.э. располагается на территории археологического микрорегиона, являвшегося в конце I – начале II тыс. н.э. важным центром средневекового расселения и формирования древнерусской культуры.

Раскопками вскрыта площадь чуть более 300 м². После разборки перемешанного распашкой культурного слоя селища толщиной до 40 см, а в северной части раскопа также прослойки темно-серого гумусированного суглинка (погребенного почвенного гумуса) при зачистке желтого материкового суглинка четко обозначились контуры 10 могильных ям, содержавших погребения I тыс. н.э. Кроме них при зачистке материка было выявлено еще

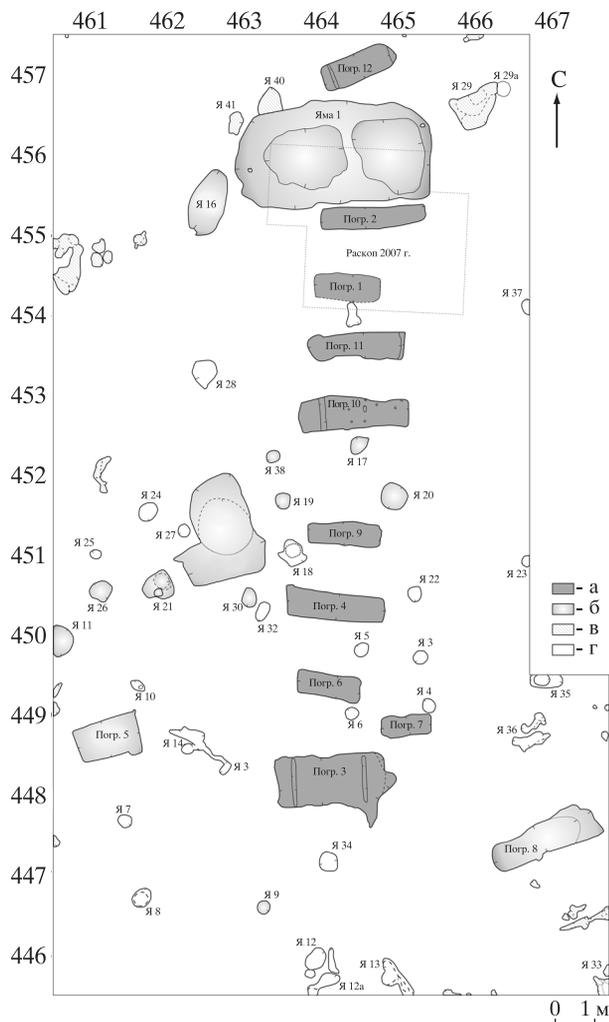

Рис. 1. Могильник Большое Давыдовское 2. План раскопа. Условные обозначения: а – погребения III–V вв.; б – древнерусские ямы X–XIII вв.; в – объекты природного характера; г – объекты с невыясненной датировкой.

около 40 ям, округлых или подпрямоугольных в плане, связанных с функционированием поселения конца X–XIII в., одна из которых, представлявшая собой подпрямоугольный в плане котлован размерами 2.6×4.8 м, может быть интерпретирована как подполье постройки конца X–XI вв. (рис. 1, 2). Однако средневековая жизнедеятельности на исследованном участке практически не нарушила захоронения I тыс. н.э.

Погребения были произведены в узких подпрямоугольных ямах со скругленными углами, образовывавших правильный ряд по линии С–Ю (рис. 3). Могильные ямы располагались на расстоянии 1–3 м друг от друга. В 10 могильных ямах расчищены останки 14 погребенных: девять ям содержали одиночные захоронения и одна (погре-

бение 3) – останки пяти индивидов. Длина ям варьировалась от 1.3 до 2.8, ширина – от 0.45 до 1.2 м. Ямы были относительно неглубокими – от 0.4 до 0.8 м от уровня современной дневной поверхности. Заполнение могильных ям представляло темный бурый суглинок с примесью желтого материкового суглинка, по-видимому, основу его составлял грунт из почвенного горизонта. Практически во всех погребениях отмечены волокна древесной органики, ориентированные по оси могильных ям. В лаборатории естественно-научных методов ИА РАН Л.Н. Соловьевой определены породы дерева из пяти могильных ям (погребения 3–6, 11), всего 13 образцов, взятых с уровня, перекрывавшего и подстилавшего костные остатки. Установлено, что во всех случаях это липа. В трех могильных ямах (погребения 3, 10 и 12) фиксируются следы деревянных внутримогильных конструкций. Они представляют собой подпрямоугольные в плане углубления, перпендикулярные длинной оси могильной ямы и расположенные “в ногах” погребенного. В погребении 3 такие углубления отмечены с двух сторон ямы – в соответствии с положением костяков. Общий характер погребальных конструкций остается неясным – была ли это деревянная обкладка ям или ящики, опиравшиеся на поперечные подкладки, ясно лишь, что эти конструкции сооружались из липы.

Кости погребенных лишь частично сохранились в 13 захоронениях. Судя по остаткам костей и костному тлену, все погребенные лежали вытянуто на спине головой на В. Исключением являются два индивида из коллективного погребения 3 (п. 3-3, 3-5), лежащие головой на З. Наилучшая сохранность костных тканей отмечена там, где кости были перекрыты многочисленными фрагментами бронзовых украшений и железными деталями костюма, в частности в погребении 3-5. Определение антро-

Рис. 2. Могильник Большое Давыдовское 2. Общий вид раскопа.

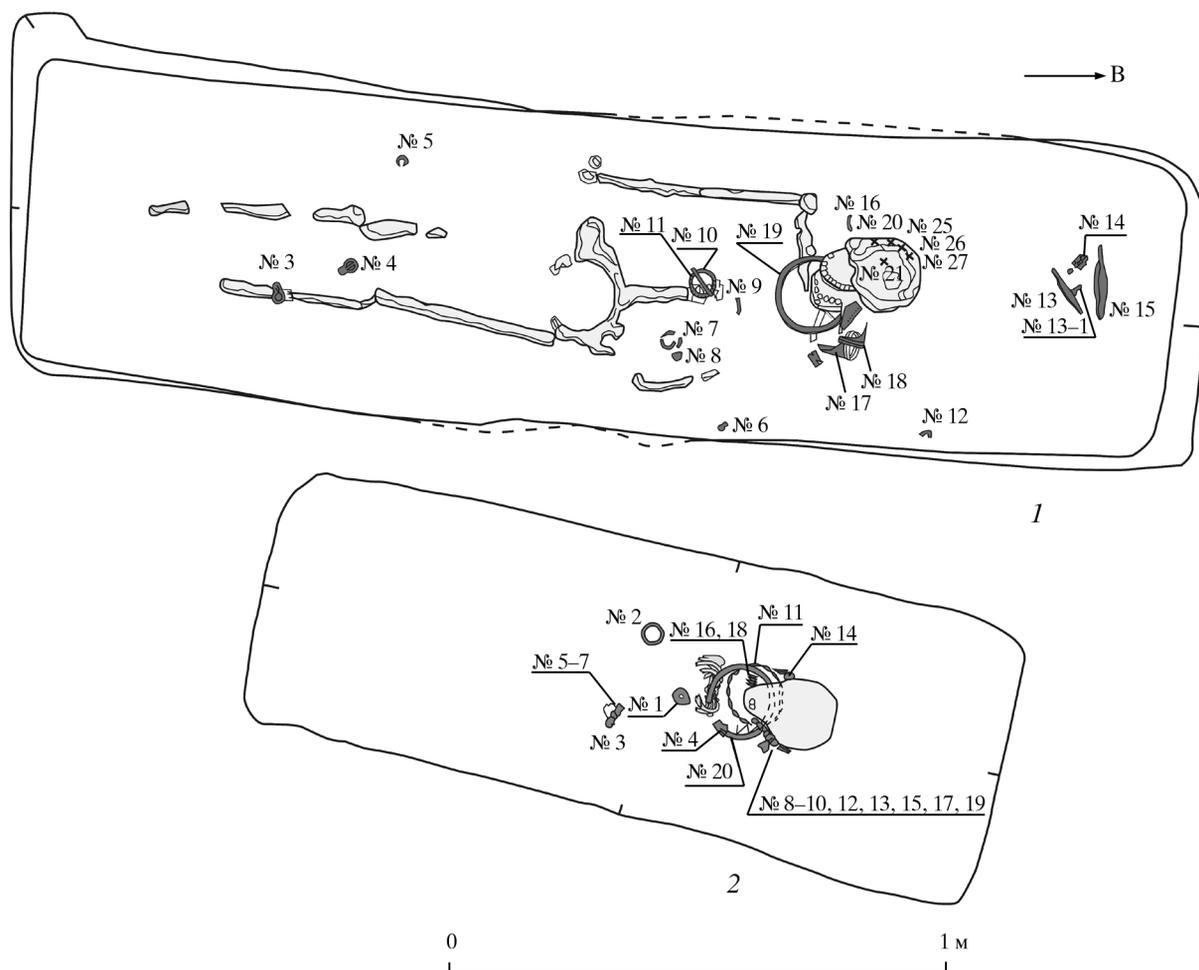

Рис. 3. Могильник Большое Давыдовское 2. Планы погребений.
1 – погребение 4, 2 – погребение 6.

пологических материалов из погребений было произведено чл.-корр. РАН А.П. Бужиловой (табл. 1). Установлено, что костные останки 10 индивидов (погребения 1, 2, 3-2, 3-3, 3-5, 4, 6, 7, 11, 12) принадлежат детям в возрасте от 2 до 11 лет, костные остатки четырех принадлежат взрослым. Пол определен лишь в одном случае, по костным остаткам из погребения 3-1, принадлежавшим молодой женщине. Существенно, что останки трех детей в возрасте 3–8 лет находились в больших могильных ямах длиной от 1.8 до 2.4 м – таким образом, размеры могильных ям не всегда могут рассматриваться как надежное основание для разделения погребений детей и взрослых.

Особый интерес представляет погребение 3, содержавшее останки пяти индивидов – двух взрослых и трех детей, ориентированных головами на В и на З и лежащих параллельно друг другу. Справа от взрослого мужчины (п. 3-4), ориентированного головой на В, находились две пары погребенных, располагавшихся ногами друг к другу: женщина (п. 3-1)

с лежащим на ней со смещением вправо ребенком (п. 3-2) и двое детей с противоположной, западной, ориентировкой – один из которых (п. 3-3) располагался на другом (п. 3-5) с небольшим смещением влево.

Судя по сохранившемуся анатомическому порядку костяков, непо потревоженному инвентарю погребений и присутствию в могиле остатков единого погребального сооружения, занимавшего всю площадь ямы и опиравшегося на поперечные плашки, захоронения были произведены одновременно или через небольшой промежуток времени. Коллективные погребения сходного типа, с двумя или несколькими костяками, ориентированными в противоположные стороны и лежащими параллельно друг другу, известны в ранних мордовских могильниках – Ражкинском и Селиксенском (Гришаков, 2005. С. 29, 30) и особенно широко – в Прикамье, в могильниках пьяноборской культуры (Агеев, Мажитов, 1986. С. 75, 77. Рис. 2, 2; Пшеничнюк, 1986а. С. 41, 42. Рис. 8; 1986б. С. 70–73; Васюткин, Калинин, 1986. С. 97, 99; Агеев, 1992.

Таблица 1. Могильник Большое Давыдовское 2. Половозрастные определения погребений и погребальный инвентарь

№ погребения	Возраст	Пол	Металлические украшения и детали одежды	Предметы быта	Оружие
1	Ребенок, 3-4 года	?	+		
2	Ребенок, неполовозрелый индивид	?	+		
3-1	Взрослый, 25-35 лет	Женский	+	+	
3-2	Ребенок, 11 лет	?	+		
3-3	Ребенок, 7-8 лет	?	+		
3-4	Взрослый, молодой (?)	?	+	+	+
3-5	Ребенок, 11 лет	?	+	+	
4	Ребенок, 8-10 лет	?	+		
6	Ребенок, 8-10 лет	?	+		
7	Ребенок, 1,5-4 года	?	+		
9	Взрослый	?	+		
10	Взрослый, 35 лет (?)	?	+	+	+
11	Ребенок, 6-7 лет	?	+		
12	Ребенок, 3-4 года	?	+		

С. 20), большая серия таких погребений исследована в Тарасовском могильнике (Голдина, 2003. С. 15. Табл. 13; С. 36. Табл. 34; С. 46. Табл. 44; С. 49. Табл. 47; С. 91. Табл. 89; С.121. Табл. 119; С. 155. Табл. 153; С. 200. Табл. 198; С. 238. Табл. 236; С. 387. Табл. 385; С. 388. Табл. 386; С. 389. Табл. 387; С. 420. Табл. 418; С. 442. Табл. 440; С. 484. Табл. 482; С. 522. Табл. 520; С. 647. Табл. 645; С. 658. Табл. 658; С. 686. Табл. 684; С. 693. Табл. 691; Голдина, 2004. С. 304–305).

Присутствие инвентаря отмечено во всех открытых погребениях (рис. 4–6). Как погребения взрослых мужчин и мальчиков атрибутированы захоронения, сопровождавшиеся бытовыми вещами, поясной гарнитурой и оружием, в том числе наконечниками копий и топорами. Как погребения женщин и девочек определены захоронения, содержавшие многочисленные бронзовые украшения, стеклянные бусы и отдельные находки бытовых предметов. Интересный набор бронзовых украшений расчищен в погребении 3-1, принадлежность которого женщине установлена по антропологическим остаткам. Керамические сосуды отсутствуют как в погребениях детей, так и в погребениях взрослых индивидов. В целом зафиксированный в могильнике Большое Давыдовское 2 погребальный обряд с помещением ингумаций в грунтовые ямы, рядовой планировкой некрополя, обилием металлических украшений и бытовых вещей, сопровождающих захоронения, соответствует традициям обрядности финских могильников Поволжья, Поочья и Окско-Сурско-Цнинского междуречья первой половины – середины I тыс. н.э.

В контексте изучения погребального обряда значительный интерес представляет жертвенный комплекс, обнаруженный в погребении 3. В его составе около 40 целых и фрагментированных бронзовых предметов, большая часть из которых оплавлена. Среди бронзовых вещей – два целых деформированных браслета из дрота квадратного сечения с углубленным декором азелинского типа и один оплавленный обломок такого браслета, три бронзовых проволочных колечка, мелкие оплавленные куски цветного металла, в числе которых определяются фрагменты смятых круглых блях, обломки поясной привески, браслетов, гривен, височного кольца с лопастью и других украшений, два оплавленных обломка бронзовой шпоры. Очевидно, эти вещи представляли собой лом предметов, предназначенный для переплавки. Бронзовые обломки и горсть зерна были завернуты в ткань (сохранились ее фрагменты) и вместе с пружинными ножницами, гребнем черняховского облика и половиной железных с бронзовым кольцом удилов помещены в короб, изготовленный из липы. Жертвенный комплекс размещался в зоне черепа индивида 3. Следы костного тлена от черепа или фрагменты зубной эмали не были обнаружены. Остатки бедренных костей принадлежат взрослому молодому (?) индивиду, судя по сопровождающему инвентарю, включавшему наконечник копья и проушной топор, – мужчине. Традиция помещения жертвенных комплексов в погребения является характерной для финских могильников Поволжья и Прикамья, на некоторых памятниках пьяноборской культуры (Тарасовский, Мазунинский могильники) доля погребений с жертвенными комплексами составляет около 30%

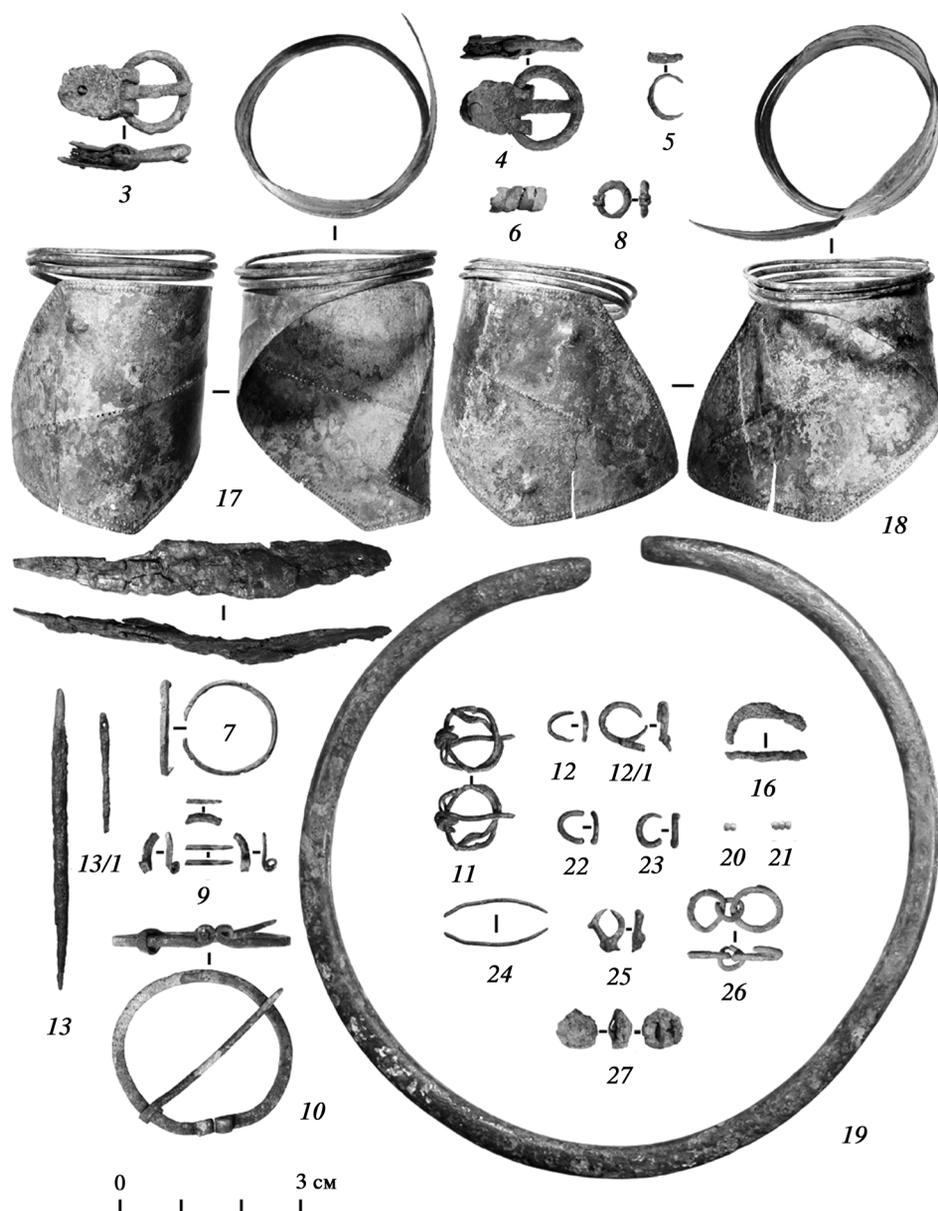

Рис. 4. Могильник Большое Давыдовское 2. Погребение 4. 3–12 – цветной металл; 13, 13/1, 15, 16 – железо; 20, 21 – стекло (номера соответствуют полевой описи и номерам на плане).

(Голдина, 2004. С. 305). Согласно наблюдениям И.В. Белоцерковской, в могильниках рязано-окской культуры в IV–V вв. н.э. дары, в качестве которых выступали женские нагрудные или головные украшения, размещались, как правило, на черепе или рядом с ним (1997), что соответствует положению металлических вещей в погребении 3-4.

Коллекция вещей, происходящих из погребений, составляет, вместе с предметами из грабительских раскопок, переданными в ИА РАН, около 300 единиц. Основную ее часть образуют детали костюма, изготовленные из цветных металлов, железа и стекла, представлены также немногочисленные орудия

труда, предметы вооружения и бытовые вещи из железа, камня, глины и рога.

Металлические украшения женского костюма включают такие категории как височные кольца, гривны, браслеты, нагрудные пряжки, нагрудные и поясные подвески и нагрудные бляхи.

В числе наиболее выразительных металлических украшений – височные кольца с лопастью (10 экз.), найденные в пяти погребениях: 2, 3-1, 4, 9, 11 (рис. 4, 17, 18; 6, 3, 3/1). В одном случае височные кольца располагались по одному с двух сторон около черепа (п. 3-1), трижды найдены парой слева от черепа (п. 4, 9, 11), причем в погребении 11 они

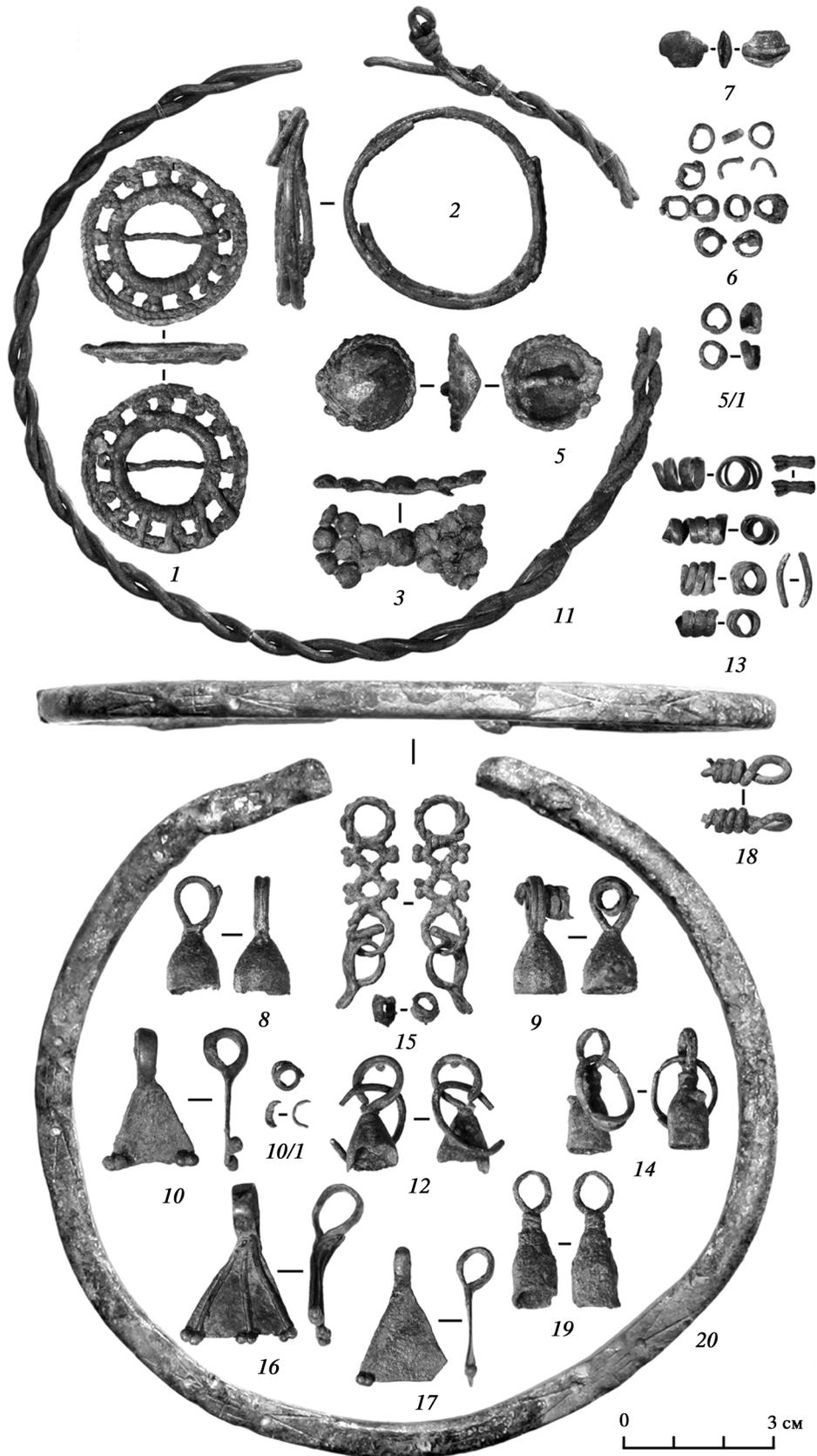

Рис. 5. Могильник Большое Давыдовское 2. Погребение 6. Вещевой материал. 1–20 – цветной металл (номера соответствуют полевой описи и номерам на плане).

были вложены друг в друга, а в погребении 4 вставлены друг в друга под углом 90°. Одно височное кольцо происходит из грабительских раскопок погребения 2, а одно, оплавленное, находилось в составе жертвенного комплекса в погребении 3. В двух погребениях (10, 12) найдены перстнеобразные проволочные височные колечки (3 экз.). Наборы украшений в девяти погребениях (из них восемь детские) включали бронзовые шейные гривны (17 экз.). Из типологически определимых гривен можно выделить массивные круглодротовые с обрубленными концами (3 экз.), витые (3 экз.), тордированную с обмоткой на концах и пластинчатым приемником (1 экз.), ромбического сечения с обмоткой на концах и пластинчатым приемником (2 экз.), круглопроволочную с перехлестнутыми концами и скользящей петлей (1 экз.), квадратные в сечении массивные с геометрическим орнаментом “азелинского” типа, 4 экз. (рис. 4, 19; 5, 20). Среди 11 целых и фрагментированных браслетов можно отметить 7 экземпляров, относящихся к “азелинскому” типу (п. 2, 3-1, 3-5), массивный круглодротовый браслет с обрубленными концами (п. 3-5) и пластинчатый подтреугольного сечения браслет с тремя щитками с точечным орнаментом (п. 3-2), аналогии которому встречаются в рязано-окских древностях (Белоцерковская, 2007. С. 189. Рис. 4, 13). Перстни представлены тремя типами – спиральными из проволоки (п. 3-1, 3-5, 11), фрагментом узкого пластинчатого и ложноплетеным ажурным с тремя колоколовидными привесками (п. 3-5).

Из погребений происходит 10 нагрудных застежек разнообразных типов. Среди них – три типичные для поволжско-финских древностей круглые ажурные плетеные застежки (п. 3-4, 6, 12), бронзовая кольцевидная с четырьмя трапециевидными выступами и железной иглой (п. 3-5), цельнолитая подковообразная бронзовая фибула с округлыми концами с крестовидным орнаментом и тремя секировидными выступами, подражающая фибулам с эмальями (п. 3-1), и пять застежек-сюльгам (п. 3-3, 4, 9, 11).

Из нарушенного грабителями погребения 2 происходит массивная пластинчатая круглая бляха с орнаментом из концентрических кругов, отверстием в центре и крестообразно расположенными накладками, четыре фрагмента подобного украшения найдено в составе “клада” погребения 3. Среди других деталей костюма – многолепестковые бляшки-розетки (п. 3-1), которые использовались в составе нарукавных повязок, конусовидные бляшки с ложновитым валиком (п. 6, 10), ложнозерновые бантовидные накладки (п. 3-5, 6), колоколовидные привески разных типов, в том числе пирамидальные с цельнолитой петлей (п. 3-5), привески-лапки,

трапециевидные привески и полая привеска-уточка (п. 3-5).

Среди вещей из грабительских раскопок, частично разрушивших погребение 2, – четыре пряжки с прямоугольными пластинчатыми щитками и сегментовидными рамками, украшенными орнаментом из треугольников (из них только одна с язычком) и три удлиненные пятиугольные подвески с аналогичных декором. Вероятно, те и другие использовались как украшения поясов или обуви. Вся коллекция насчитывает 18 пряжек – из них семь из железа (п. 1, 3-1, 3-3, 4, 10) и 11 бронзовых (п. 2, 3-1, 3-3, 3-4, 3-5, 11).

Коллекция бус и подвесок насчитывает 82 стеклянных изделия. Ее систематизация выполнена к.и.н. О.С. Румянцевой. Большинство из них представлено бусами красного глухого стекла (29 экз.) и золотостеклянными пронизками (52 экз.); обнаружена также одна подвеска синего прозрачного стекла каплевидной формы. Стеклянные украшения происходят из детского погребения 4 и коллективного захоронения 3. Наибольшее количество бус – 57 экз. – содержит могила 3-5; в остальных захоронениях они немногочисленны – каждому погребенному принадлежало от 1 до 16 находок.

Золотостеклянные изделия из погребений 3-3, 3-4, 3-5 и 4 представлены мелкими, до 3 мм в диаметре, двух-шестичастными пронизками и их фрагментами. Среди бус красного глухого стекла выделяются два крупных изделия диаметром 16–17 мм, изготовленные из отрезков тянутых палочек, которые происходят из захоронений 3-4 и 3-5. Остальные украшения из красного стекла представляют собой бусы и двух-четырёхчастные пронизки диаметром 4–5 мм, выполненные из отрезков тянутых трубочек (погребения 3-3, 3-4, 3-5), а также единичную находку бисера (погребения 3-1/3-2).

Предметы вооружения представлены проушным топором с плавным расширением к окончанию обуха (п. 3-4), топором-кельтом (п. 10), двумя втульчатыми наконечниками копий с ромбическим очертанием пера (п. 3-4, 10).

Бытовые предметы немногочисленны и представлены тремя битрапециевидными глиняными пряслицами (п. 3-1, 10), фрагментами костяного гребня (п. 3-4), четырьмя железными ножами с выпуклой и прямой спинкой (п. 3-4, 3-5, 4, 10), железными шилом с остатками деревянной рукоятки и рабочим концом круглого сечения (п. 4), иглой (п. 4) и ножницами (п. 3-4), являющимися исключительно редкой находкой для финских могильников.

Основываясь на современных разработках хронологии древностей могильников рязано-окской,

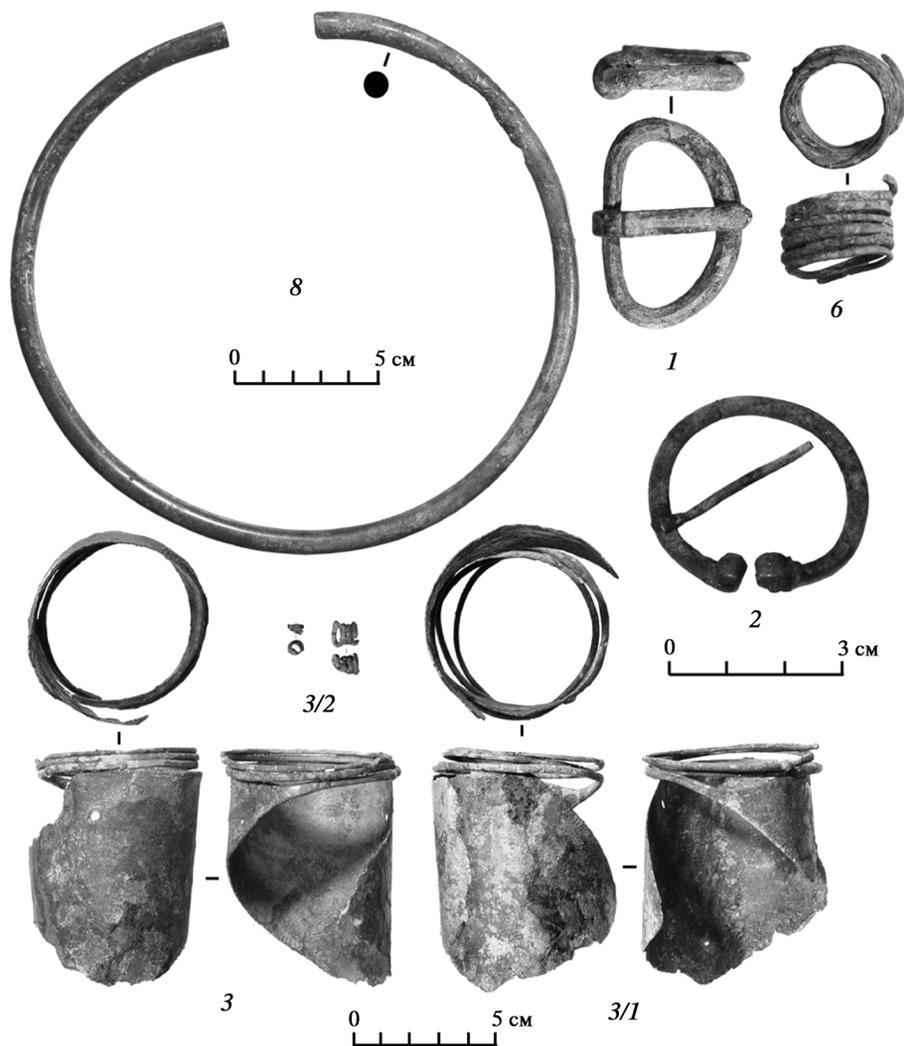

Рис. 6. Могильник Большое Давыдовское 2. Погребение 11. 1–3, 6, 8 – цветной металл (номера соответствуют полевой описи и номерам на плане).

дьяковской культур и могильников Прикамья, вещевые комплексы из погребений могут быть отнесены ко второй половине III – началу V в. Для определения их хронологических позиций существенны находки в погребениях височных колец с лопастью, бантовидных накладок с ложной зернью, гривен и браслетов “азелинского типа”, подковообразной фибулы с “отростками”, принадлежащей к кругу вещей с выемчатыми эмалями. По мнению И.В. Белоцерковской, височные кольца с широкой лопастью в рязано-окских могильниках характерны для погребальных комплексов периода 1 и начала периода 2а, что соответствует III в. В комплексах тех же периодов в рязано-окских могильниках известны находки ложнозерненных накладок в виде бантиков (Белоцерковская, 2007. С. 190, 191, 198). Находки бантовидных накладок на московецких городищах датируются II–III вв.? (Кренке, 1989. С. 83–86). Массивные бронзовые четырехгранные

гривны с геометрическим орнаментом и подражающие им браслеты появляются в рязано-окских материалах в конце III – начале IV вв., в то же время их аналоги отмечены на азелинских памятниках (Белоцерковская, 2007. С. 192. Рис. 7). Бронзовые пирамидальные колокольчики находят параллели в юго-западном Крыму II – начала III вв. н.э. и в материалах Кошибеевского могильника (Альбом древностей мордовского народа, 1941. Табл. VI. Рис. 25; Ахмедов, Белоцерковская, 1998. С. 38).

Эти украшения, найденные в Большом Давыдовском могильнике в составе семи комплексов (п. 2, 3-1, 3-4, 3-5, 4, 9, 11), важны для определения нижней даты могильника.

Сочетание золотостеклянных и красных бус типично для финских могильников бассейна Средней Оки и Окско-Сурско-Цнинского междуречья раннего этапа, где украшения данных типов являются

Таблица 2. Радиоуглеродные даты образцов органики из погребений могильника Большое Давыдовское 2

Лабораторный номер	Место отбора пробы	Материал	Радиоуглеродный возраст	Ошибка	Калиброванная дата, 1σ	Калиброванная дата, 2σ
KIA38186	Погребение 3, клад, под ножницами	Дерево	1673	53	260–427 AD	244–533 AD
KIA38187	Погребение 4, под черепом	Дерево	1795	38	139–315 AD	128–337 AD
KIA38185	Погребение 9, под височным кольцом у черепа	Дерево	1787	36	140–322 AD	131–337 AD

одним из основных элементов женского костюма (Вихляев, 1977; Шитов, 1988; Акимов, Гришаков, 1990 и др.). Их хронология разработана на материалах могильников Поочья (Румянцева, 2005; 2007), на основании которой наборы бус, обнаруженные при раскопках в Большом Давыдовском, могут быть датированы не ранее конца II – начала III в. и не позднее конца IV – начала V в. – три хронологические группы K2, 1a; типы бус 3IA2, KA1a1, KAIII (Румянцева, 2007. С. 217–219, 234. Табл. 2).

Радиоуглеродным методом в лаборатории Кильского университета датированы три образца органики из погребений: древесный тлен под погребальным инвентарем и костными остатками. Это первый опыт радиоуглеродного датирования финских могильников с ингумациями I тыс. н.э. в Волго-Окском междуречье. Калиброванные даты двух образцов (погребения 4 и 9) с вероятностью 68% соответствуют интервалу середины II – начала IV в., калиброванная дата третьего (древесный тлен из-под “клада” из коллективного погребения 3) – второй половине III – началу V в. (табл. 2, рис. 8). Поскольку для погребальных сооружений использовалось дерево, возраст которого был не менее нескольких десятилетий, с большой долей вероятности можно полагать, что возраст погребений на два-три десятка лет моложе этих дат. Радиоуглеродные даты хорошо согласуются с вещевыми. С учетом тех и других общих хронологических интервал, к которому могут быть отнесены погребения, определяется как вторая половина III – начало V в.

Вновь открытый могильник важен как для общего понимания культурной ситуации в Волго-Окском регионе в первой половине – середине I тыс. н.э., так и в контексте изучения предыстории исторического ядра Ростово-Суздальской земли – Суздальского Ополя.

Грунтовые могильники с погребениями по обряду ингумации, сопровождающимися наборами металлических украшений, оружием и орудиями труда, появившиеся в Волго-Окском регионе в пер-

вые века н.э., рассматриваются как яркий феномен культуры поволжских финнов, отражающий формирование их культурных традиций и расселение в Волго-Окском бассейне. Однако в этом обширном регионе в настоящее время выявлено лишь около 60 финских могильников с ингумациями III–VII вв., которые распространены по его территории неравномерно (рис. 7). Грунтовые могильники с ингумациями III–VII вв. концентрируются в отдельных областях Волго-Окского бассейна (прежде всего в рязанском течении Оки и в междуречье верхнего течения Мокши и верхнего течения Суры), спорадически встречаются в других районах Поволжья и Поочья, но практически неизвестны на значительных территориях с финской гидронимикой, которые рассматриваются как часть ареала поволжских финнов. Ареал могильников с погребениями III–V вв. существенно уже, он ограничен преимущественно территориями на правобережье Волги и на правобережье Оки, южной частью общего ареала могильников III–VII вв. Могильников с погребениями III–V вв. насчитывается всего около 40. Очевидно, для финского населения северо-западной части Волжского бассейна характерен другой погребальный обряд – могильники с кремациями, помещавшимися в наземные сооружения “домики мертвых”, на поверхность земли или в неглубокие ямы (Башенькин, 1995). Впрочем, в настоящее время подобные могильники с кремациями выявлены в северо-западной части Волжского бассейна лишь в отдельных районах.

Могильник Большое Давыдовское 2 образует крайнюю северо-западную точку на карте финских могильников с ингумациями III–V вв. Вещевой набор из могильника в целом близок комплексам культуры рязано-окских могильников, ареал которой удален от места раскопок примерно на 250 км к югу. Однако многие черты погребального обряда и вещевые находки правомерно рассматривать как отражение более широких культурных связей и взаимодействия с другими территориями

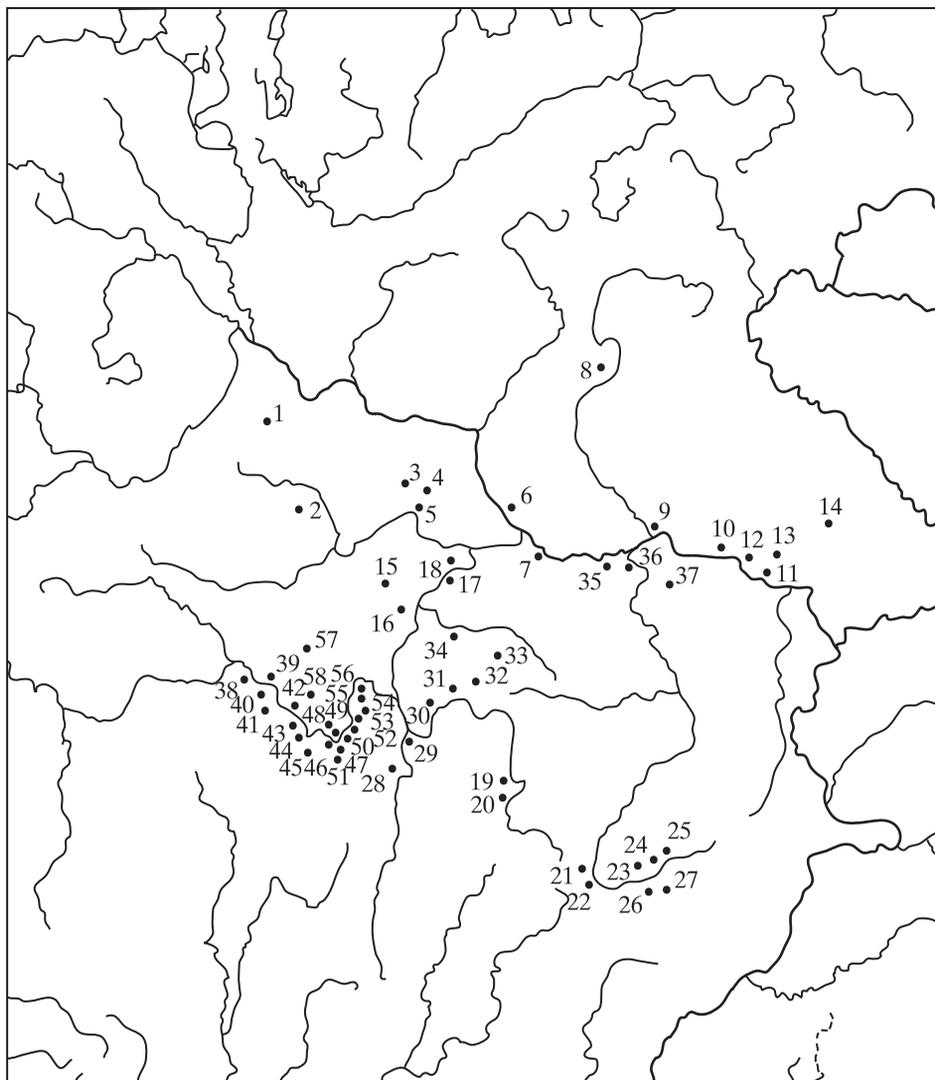

Рис. 7. Могильники с погребениями III–VI вв. в Волго-Окском регионе. На карте показаны памятники, содержание погребения по обряду ингумации или ингумации и кремации в грунтовых ямах. 1 – Сарский; 2 – Большое Давыдовское; 3 – Хотимльский; 4 – Кочкинский; 5 – Холуйский; 6 – Желтухинский; 7 – Безводнинский; 8 – на Чертговом городище; 9 – Младший Ахмыловский; 10 – Уржумкинский; 11 – Мари-Луговойской; 12 – Арзабелякский; 13 – Лушморский; 14 – Шорунжинский; 15 – Мальшевский; 16 – Подболотьевский; 17 – Пермиловский; 18 – Чулковский; 19 – Тезиковский; 20 – Ражкинский; 21 – Пензенский; 22 – Алферьевский; 23 – Старший Селиксенский; 24 – Младший Селиксенский; 25 – Степановский; 26 – Шемьшейский; 27 – Армиевский; 28 – Польно-Ялтуновский; 29 – Кошибеевский; 30 – Старокадомский; 31 – Шокшинский; 32 – Погибловский; 33 – Абрамовский; 34 – Старший Кужендеевский; 35 – Волчихинский; 36 – Ивановский; 37 – Таутовский; 38 – Вакинский; 39 – Кузьминский; 40 – Фефеловский; 41 – Борковский; 42 – Дубровичский; 43 – Кораблинский; 44 – Гавердовский; 45 – Заречьинский IV; 46 – Никитинский; 47 – Шатрищенский; 48 – Дегтяновский; 49 – Облачанский; 50 – Бортниковский; 51 – Дуброво-Срезневский; 52 – Кулаковский; 53 – Унтрих; 54 – Тырновский I; 55 – Куземкинский; 56 – Курманский; 57 – Шагорский II; 58 – Деулинский.

и культурными общностями. Так, коллективное захоронение с противоположащими костяками, образующими сложный погребальный комплекс, как уже отмечалось, имеет ближайшие параллели в пьяноборских и ранних мордовских древностях. Прикамские связи населения, оставившего могильник, документированы находками четырехгранных в сечении массивных гривен и браслетов, поллой уточкой-привеской. Присутствие в двух погребени-

ях ложнозерненных бантовидных накладок отражает влияние культурных традиций позднедьяковского населения Москворецкого бассейна.

В качестве свидетельства западных, прибалтийских или поднепровских связей может, вероятно, рассматриваться редкая находка круга вещей с выемчатými эмальями – литая подковообразная фибула с секировидными выступами. Возможными индикаторами контактов с носителями черняхов-

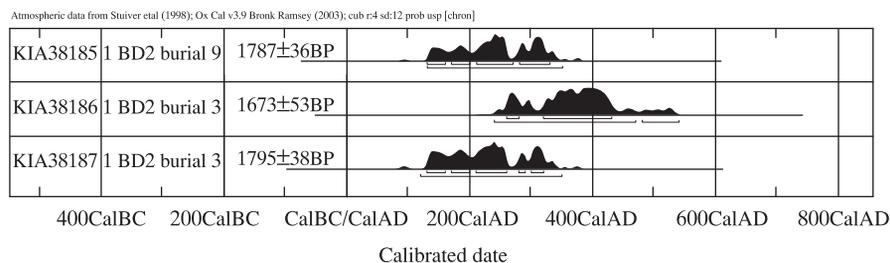

Рис. 8. Могильник Большое Давыдовское 2. Радиоуглеродные даты.

ской культуры являются находки синей стеклянной каплевидной бусины-подвески и костяного гребня.

Переходя к более узкому “суздальскому” контексту некрополя, следует отметить, что до последнего времени в Суздальском Ополе не были зафиксированы какие-либо следы освоения территории в III–V вв. н.э. Поскольку на дяковских городищах на Нерли и Клязьме комплексы этого времени не были известны, а средневековая колонизация Ополя по археологическим материалам прослеживалась с VI–VII в. (Макаров, 2007. С. 16), период первой половины – середины I тыс. рассматривался как время, когда Ополе не было заселено, – в полном соответствии с палинологическими данными, свидетельствующими о залесенности территории (Алешинская и др., 2008. С. 127–156). Новые материалы существенно корректируют эту картину. Погребальные комплексы, вскрытые раскопками 2008 г., представляют собой часть большого некрополя, отражающего долговременное присутствие древнего населения на р. Урда. Для характеристики памятника как могильника стабильной группы населения, функционировавшего в течение достаточно продолжительного времени, существенны размещение погребений на площадке в виде правильного ряда, присутствие среди погребений захоронений мужчин, женщин и детей, высокая доля детских погребений, обилие погребального инвентаря, отражающее высокое благосостояние. Вопрос о конкретной исторической связи финского населения, занимавшего поречье р. Урда в середине I тыс. н.э., и средневекового населения, осваивавшего Шекшовский микрорегион в IX(?)–X вв., пока не может быть решен, но сам факт расположения могильника в центре будущего крупного очага средневекового расселения и формирования древнерусской культуры заслуживает внимания и требует специального анализа.

Работа выполнена по Программе Президиума РАН “Историко-культурное наследие и духовные ценности России”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа, 1992.
- Агеев Б.Б., Мажитов Н.А. III Кушулевский могильник Пьяноборской культуры // Археологические работы в низовьях р. Белой. Уфа, 1986.
- Акимов Н.А., Гришаков В.В. Бусы Абрамовского могильника // Средневековые памятники Окско-Сурского междуречья. Саранск, 1990 (Тр. МНИИЯЛИЭ; Вып. 99).
- Алешинская А.С., Кочанова М.Д., Спиридонова Е.А. и др. Ландшафты Суздальского Ополя и влияние на них человека в средневековье (по данным археологических и палеоботанических исследований) // Сельская Русь в IX–XVI вв. М., 2008.
- Альбом древностей мордовского народа. Саранск, 1941.
- Археологическая карта России. Ивановская область. М., 1994.
- Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. О начальной дате рязано-окских могильников // Тр. ГИМ. Вып. 96. М., 1998.
- Башенькин А.Н. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Проблемы истории Северо-Запада Руси. СПб., 1995 (Славяно-русские древности; Вып. 3).
- Белоцерковская И.В. Погребения с дарами из могильника Кораблино // Археологический сборник. Погребальный обряд. М., 1997 (Тр. ГИМ; Вып. 93).
- Белоцерковская И.В. Культура рязано-окских могильников. Инвентарь женских погребений // Восточная Европа в середине I тыс. н.э. М., 2007.
- Васюткин С.М., Калинин В.М. Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях р. Белой. Уфа, 1986.
- Вихляев В.И. Древняя мордва Посурья и Примокшанья. Саранск, 1977.
- Вишневский В.И., Кирьянова Н.А., Добровольская М.В. Ратьковский раннесредневековый финно-угорский могильник: хронология, культура, обряд // РА. 2007. № 2.

- Голдина Р.Д.* Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. I. Текст, каталог погребений. Ижевск, 2004.
- Голдина Р.Д.* Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. II. Ижевск, 2003.
- Гришаков В.В.* Население верховьев Мокши и Суры накануне средневековья. Саранск, 2005.
- Кренке Н.А.* Глиняная пластика и некоторые особенности позднеязыковских городищ Подмосковья // СА. 1989. № 2.
- Леонтьев А.Е.* Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М., 1996.
- Макаров Н.А.* Начальный период средневековой колонизации Суздальского Ополя по материалам новейших исследований // Археология Владимиро-Суздальской земли. Вып. 1. М., 2007.
- Пшеничнюк А.Х.* Памятники ананьинской и пьяноборской культур в низовьях р. Белой // Археологические работы в низовьях р. Белой. Уфа, 1986а.
- Пшеничнюк А.Х.* Юлдашевский могильник // Археологические работы в низовьях р. Белой. Уфа, 1986б.
- Румянцева О.С.* Хронология и периодизация стеклянных бус могильника Кораблино // II Городцовские чтения. Матер. науч. конф., посв. 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. М., 2005 (Тр. ГИМ; Вып. 145).
- Румянцева О.С.* Культура рязано-окских могильников. Бусы массовых типов // Восточная Европа в середине I тыс. н.э. М., 2007.
- Уваров А.С.* Меряне и их быт по курганным раскопкам // Тр. I АС. М., 1872.
- Штов В.Н.* Кошибеевский могильник (по материалам раскопок В.Н. Глазова в 1902 г.) // Тр. МНИИЯЛИЭ. 1988. Вып. 93.

Bolshoe Davydovskoe 2 cemetery – a burial site of the 1st half of the 1st millennium AD in Suzdal Opolye

Makarov N.A., Krasnikova A.N., Zaitseva I.Ye.

Summary

The article publishes the first results of archeological investigations at the Bolshoe Davydovskoe 2 ground cemetery in Suzdal Opolye. Fourteen burials, dating to the second half of the 3^d – the 5th cc., have been investigated. Bolshoe Davydovskoe 2 cemetery is the furthest northwestern point on the map of Finnic inhumation burials of the 3^d – 5th cc. The artifact assemblage is on the whole similar to the assemblages from Ryazan-Oka cemeteries, which are encountered in about 250 km to the south of the excavation site.